

ДМИТРИЙ АРЕФЬЕВ

**ДЕНЬ
246**

16+

Дмитрий Арефьев

День 246

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42672786

SelfPub; 2022

Аннотация

В будничной суете так легко потеряться во времени. Серьёзное упущение, если учесть, что однажды его может просто не быть.

Дмитрий Арефьев

День 246

«Если вы каждый день живете так, как будто он последний, когда-нибудь вы окажетесь правы».

Стив Джобс

Просыпаться утром от головной боли со временем вошло в привычку. Необходимая каждодневная процедура: подниматься, превозмогая болезненную пульсацию в висках, тащиться на кухню, искать заветный белый шкафчик, непослушной рукой открывать дверцу. Вот она, знакомая оранжевая баночка. Пара волшебных колёс в рот – и ближайшие несколько часов можно жить. Затем лучше прилечь, чтобы дать успокоиться взбесившемуся сердцу. Пройдёт несколько минут мучительного ожидания, прежде чем холодная волна мурашками пробежит по телу и увлечёт за собой надоедливую головную боль куда-то вниз, где и затухнет, подобно стгоревшей свече. Хорошие таблетки. Спасибо фармацевтической компании, которая создала это волшебное средство, помогающее таким, как я, радоваться жизни, даже если жить осталось совсем немного. А радоваться было чему. В соседней комнате беззаботно спит самый дорогой для меня че-

ловек. Год назад новость о скором его появлении заставила нас с женой прослезиться. А сейчас он, наверняка, засунул большой пальчик в рот и видит первые в своей жизни детские сны. Я помню, как он шевелил малюсенькими кулачками, когда мы со Светочкой, как заворожённые, смотрели на экран в кабинете УЗИ. Маленький Дениска будто чувствовал, что мы за ним наблюдаем, и передавал нам привет поднятой вверх ручонкой: «Я здесь!» И мы тоже махали ему в ответ под понимающие взгляды врачей. Они терпеливо ждали, когда мы, наконец, перестанем разговаривать с чёрно-белым монитором.

С тех пор каждый вечер перед сном мы беседовали с нашим малышом, представляли, как поедем к бабушке в деревню, какие там будут вкусные пироги, как я научу его кататься на велосипеде и как мы вместе пойдём на рыбалку. Порой я так увлекался, что забывал о том, что разговариваю с круглым, как шар, животом. Света называла наши беседы «папины лекции». Бывало, она сама обращалась к малютке со словами: «Ну что, пойдём, послушаем папкины лекции? Наверное, снова расскажет что-нибудь интересное». И папка рассказывал. Не знаю, насколько это было правдой, но Света уверяла, что после них ночью малыш её не беспокоил.

Сейчас, лёжа на кровати и смотря в серый потолок спальной комнаты, я мысленно пролистываю прошлые события, как цветные кадры семейной киноленты, в финале которой обычно к глазам подступают слёзы. К сожалению, сейчас

всё по-другому. Сегодняшняя жизнь больше похожа на чёрно-белый ужастик с плохим концом. Рано или поздно на экране появится заключительная надпись «The End».

О том, что конец не за горами, я узнал от приземистого лысоватого доктора со смешной фамилией Шприц. Помню его тяжёлый взгляд за круглыми линзами очков. Он долго смотрел на меня, прежде чем начать говорить и записывать угловатые каракули.

– Головные боли, тошнота, слабость, потеря сознания раньше случались?

– Нет, – сказал я.

– Проблемы со слухом, зрением, эпилептические припадки, провалы в памяти были? – продолжил доктор, записывая что-то в журнал.

Никогда не мог понять, почему врачи так неразборчиво пишут. Сомневаюсь, что непосвящённый человек смог бы разобрать, что Шприц тогда настрочил.

– Нет, ничего такого, – ответил я. – Почему Вы об этом спрашиваете?

Доктор тяжело выдохнул, снял свои очки и как-то странно посмотрел на меня.

– Вадим Петрович, у вас опухоль.

Он вдруг сглотнул, будто кто-то невидимый схватил его за горло. Точь-в-точь как в фильмах о войне, когда родителям погибшего солдата сообщают ужасную новость. Актёр при этом с головой погружается в роль, старается пропустить

через себя непростую ситуацию, пускает слезу, если нужно. Но тогда передо мной сидел не актёр театра и кино, а заместитель главного врача по лечебной работе, врач-онколог Шприц Виктор Иванович. На секунду я представил, что надпись на его бейдже – это всего лишь реквизит, что вот-вот Шприц не выдержит, рассмеётся, достанет букет цветов из-под стола и воскликнет: «Поздравляем! Это был розыгрыш!»

Моя жена Светочка вдруг выйдет из-за ширмы с камерой в руках.

Этого не произошло. В глазах доктора я увидел сожаление и безнадежность, после чего я смог задать ему всего лишь один вопрос:

– Сколько мне осталось?

Шприц молчал. Я замер в ожидании ответа. В глубине души я всё же надеялся, что он улыбнётся и скажет: «Нет, Вы неправильно меня поняли. Это обычная простуда. Мы выпишем Вам противовирусные препараты, так что через несколько дней сможете вернуться на работу».

– Полгода, – вместо этого ответил Шприц. – Разумеется, это неточный прогноз. К тому же организм у Вас молодой. Известны случаи, когда пациенты с четвёртой стадией живут довольно долго.

Я уже не слышал, что говорил мне доктор. Наверное, он пытался убедить меня в том, что четвёртая стадия глиобластомы – это не приговор, и с ней можно жить, поддерживая свой организм дорогими медикаментами. А может быть, он

предупреждал меня о быстром развитии болезни в случае длительного пребывания в угнетённом душевном состоянии. Скорее всего, он говорил ещё что-то. Не помню. Его рот открывался и закрывался, как в немом кино. Я его не слышал. А слышал я душераздирающие крики Светы, слышал, как плачет маленький Дениска в своей деревянной кроватке, слышал прощальные слова родственников, слышал глухой стук молотка, заколачивающий крышку гроба. Ужасные образы сами собой возникали у меня в голове, и я ничего не мог с этим поделать.

– Дополнительное исследование поможет нам определиться с дальнейшим ходом вашего лечения, – продолжал Шприц, расхаживая из стороны в сторону по кабинету. – Сейчас нужно сдать все необходимые анализы. И помните, – он вдруг сел обратно на стул, – в медицинской практике порой происходят совершенно необъяснимые вещи: безнадежно больные вдруг выздоравливают, а прикованные к инвалидному креслу начинают ходить. Современная медицина творит чудеса, но иногда чудеса творят сами люди. Вы же меня понимаете?

Я не помню, ответил ли я ему. Более того, не помню, как пришёл домой и сообщил страшный диагноз жене. Что было потом? Наверное, мы не спали в ту ночь.

С тех самых пор оранжевая баночка с таблетками стала моим пожизненным спутником.

От принятых таблеток мне становится легче. Сегодня это

происходит гораздо быстрее, чем раньше. И вообще, я чувствую себя лучше. Уже нет прежней тяжести в голове, и тело не изнывает от боли. Может быть, я пошёл на поправку? Хорошо, если так. Хорошо, если рассказы Шприца про чудодейственное исцеление не просто рассказы.

Как снежный ком, внутри растёт волнение за предстоящее *дело*. *Дело* очень серьёзное. Света не спешит просыпаться. Она привыкла к моим ранним подъёмам, поэтому не обращает на шум из кухни никакого внимания. Она тихо сопит, повернувшись к стене. Дениски не слышно.

За окном раннее утро. Ночная темнота нехотя отдаёт город первым лучам восходящего солнца, и уже скоро багровый рассвет превратится в солнечный день. Несмотря на обузданную головную боль, уснуть я больше не смогу. И тому есть причины. На пути в ванную комнату я вижу нечто странное. В прихожей на спинке стула белым пятном колет глаз полуоткрытая пачка сигарет, торчащая из заднего кармана моих брюк. Привычным движением я открываю пачку и выуживаю оттуда одну сигарету. Последнюю.

Вам знакомо чувство последней сигареты? Надеюсь, что нет, ибо осознание того, что средство успокоения нервов осталось в единственном экземпляре весьма обескураживает, особенно в преддверии важного *дела*. Возвращаюсь на кухню, швыряю пустую пачку в мусорное ведро, прикури-

ваю и выхожу на балкон. На балконе, как ни странно, не холодно. Ядовитый дым «Тройки» заполняет лёгкие, отравляя без того умирающий организм. Город ещё дремлет. Вокруг так тихо, что пролети мимо комар, я наверняка услышал бы его. Тишина! Ни звука полицейской сирены, ни ругани пьяной молодёжи, ни песен дворовых котов, не слышно даже ворчливого дворника Семёныча, который каждое утро машет метлой у подъезда. Я вижу серые силуэты высоток и не замечаю ни одного жёлтого окошка на фоне кирпичных стен. А ведь ни разу не было такого, чтобы *весь* дом спал. Всё равно найдётся шальная душонка, что будет вершить свои дела под покровом ночи. Ан, нет! Никого. Только наша старая «Lada» скучает на парковке. Ещё бы послужила, но обстоятельства... За машиной завтра придут. Продаётся. Я наслаждаюсь последней парой затяжек и наблюдаю, как теряя искры, окурок полетел вниз на тротуар

Сегодня у меня очень важное *дело*.

Когда нам озвучили стоимость лечения в зарубежных клиниках, мы испытали второй удар под дых. Стоимость препаратов, продлевающих жизнь, превышали стоимость нашей квартиры вместе с машиной и квартиры наших родителей, и тоже вместе с машиной. Я помню, как Света шерстила интернет в поисках благотворительных фондов помощи онкобольным. Мы обзванивали ведущих специалистов в этой области, но неутешительные анализы и заключения врачей, обследовавших меня, разрушали наши надежды. За меня ни-

кто не брался. После пяти месяцев на таблетках оранжевой баночки мы не смогли продвинуться вперёд ни на шаг. Здоровье моё тем временем становилось всё хуже. Головные боли усилились. Даже будучи за рулём автомобиля, я мог потерять сознание. От авто пришлось отказаться. Последней каплей стали слова моего начальника:

– Вадим, ты же понимаешь, что мы не можем оставить тебя в штате.

– Сергей Николаевич, я прошу вас! У меня же семья, маленький сын.

А Сергей Николаевич – хладнокровный управленец, на чисто лишённый человеческих чувств, равнодушно смотрел на меня, как на предмет интерьера. Зная, что от одного его слова зависит моя дальнейшая жизнь, он не оставил мне шансов.

– Прости, Вадим. Ты уволен.

Я смотрю вниз и вижу, как доживает свой век дымящийся на тротуаре окурок. Пора закругляться. Умывшись холодной водой, я на цыпочках вхожу в кухню и начинаю колдовать над кофе. Завариваю крепче обычного. Из-за моей болезни алкоголь мне противопоказан, а вот крепкий кофе в самый раз. Вдохнув терпкий запах желанного напитка, я опускаюсь на стул. Туманный взгляд упирается в стену.

Сегодня у меня важная встреча. Сегодня я должен увидеться с Андреем и обсудить все детали *дела*, приготовления к которому отняли у меня немало сил, и не только фи-

зических. С Андреем мы были знакомы с раннего детства. В школе мы сидели за одной партой, затем оба поступили в техникум, даже в армию нас определили в одну часть, но в последний момент нас разделили по решению военного комиссариата, согласно которому следующие два года я должен был служить в ракетных войсках Западной Сибири. Андрей же отправился покорять просторы мирового океана на Дальнем Востоке. Я потерял с ним связь. Как оказалось позже, поселились мы в разных концах города, но по иронии судьбы наши дорожки вновь пересеклись. Андрей всегда отличался неординарностью мышления. Он знал, где достать то, чего никто не может достать, имел связи с различного рода людьми, про которых мама всегда говорила: «Не водись с ними, они плохому научат». Ну, вот и научили. Спустя годы Андрей стал не последним человеком в криминальном мире.

– Я тебе говорю, верняк тема, Вадик! – обняв меня одной рукой, навязывал мне свою мысль Андрюха. – Нам как раз нужен такой, как ты.

Это было три недели назад в одном захудалом баре нашего городка. Несколько месяцев безработицы и соблезнующие взгляды работодателей осточертели мне до глубины души. Мой диагноз, как красный свет, одинаково действовал на всех, к кому бы я ни обращался. Формулировка «Вы нам не подходите» стала мой девизом по жизни. Я не приносил в семью ни копейки. Злоба на всех людей на планете росла внутри меня быстрее, чем раковая опухоль. Я старался

держаться ради Светы и Дениски, но иногда мой воспалённый мозг просто отключался, и я искал спасение в алкоголе. Мой старый знакомый, недавно освободившийся из мест не столь отдаленных, заметил меня за соседним столиком местной пивнушки. Разговоры по душам не заставили себя долго ждать. Помню, мы проторчали там почти всю ночь. Он рассказывал о долгих днях, проведённых за решеткой, о том, сколько было упущено возможностей, сколько непровернутых дел осталось на воле. Расспрашивал о моей жизни, но о своей болезни я почему-то умолчал. Кто знает, проговорись я тогда, возможно, дальнейший наш разговор на том бы и закончился, что, похлопав друг друга по плечам, мы разошлись бы по домам. Он к себе, а я к себе. Но, несмотря на пьяный угар, Андрей смог различить во мне то, что, по его мнению, могло помочь ему в новом *деле*.

– Я тебе говорю верняк, – продолжал напирать мой давний дружок. – Всё схвачено. Люди уже есть. Мы знаем маршруты, график движения, понимаешь?

– А если откажусь, что убьёшь меня? – с хмельной улыбкой отвечал я.

Андрюха тогда волком взглянул на меня, а потом, хлопнув по плечу, оскалил свои жёлтые зубы

– А убью, брат, убью! – рассмеялся он в голос.

Уже под утро два изрядно подвыпивших человека договаривались совершить что-то очень-очень нехорошее.

– Мне надо подумать, – ответил я. – Дай мне пару дней.

Сколько времени мне оставалось, было известно лишь Богу, который по каким-то только ему ведомым причинам решил разлучить меня с моей семьёй. И это тогда, когда она у меня только появилась. Почему я должен был принять это как должное? Почему я должен был уйти? Почему Он не забирает Андрея? Вопросов было больше, чем ответов, и один из самых насущных – «Что же я оставлю после себя?» Я не увижу, как Дениска пойдёт в школу. У меня не будет с ним никаких разговоров, как у отца с сыном. Максимум, что я успел сделать – это «Папины лекции». Как, по-вашему, достаточно? Света – молодая красивая мама, наверняка, найдёт себе другого человека, с кем будет счастлива. Пусть не сразу, но со временем она его встретит. И тот, другой, однажды поведёт моего Дениску гулять. Дениска назовёт его папой, а меня будет помнить только лишь по чёрно-белым фотографиям из семейного альбома.

Безработный и без возможности приносить доход в семью, я превращался в овощ. Я должен был помочь им и оставить после себя хоть что-то. Предложение Андрея пришлось как нельзя кстати, но оно же и разрывало мою душу на две равные противоборствующие части. На правом плече расположился гнусный рогатый «Я», который постоянно очернял мои помыслы и приводил весьма убедительные доводы в пользу преступного решения.

– *Сколько ещё ты проживешь?* – как змея, шипел он. – *Соглашайся! Двадцать миллионов на дороге не валяются.*

Разве ты не любишь свою жену и сына?

Второй «Я» с нимбом на голове, сидевший на левом плече, убеждал меня в обратном:

– Ты попадёшь в тюрьму, Вадим. Твой сын запомнит тебя как уголовника. Разве ты этого хочешь? Остайся в памяти своих родных честным человеком.

После этого снова говорил рогатый:

– Не слушай этого святошу! Ты помрёшь, а семья останется! Хочешь обеспечить им достойную жизнь? Задумайся, почему твой Бог свёл тебя с другом-уголовником?

С левого плеча я услышал:

– Вадим, не поддавайся искушению. Бог не просто так посылает испытания. Ты должен верить.

Эти двое не давали мне покоя. Головные боли усилились настолько, что я не находил себе места в квартире. Бывало, что моё сознание проваливалось в небытие, вызывая порой очень реалистичные галлюцинации. Однажды я увидел, как Света готовит обед, а наш уже взрослый сын Дениска подходит к ней со спины и говорит:

– М-мм, мам, как вкусно пахнет. Что у нас сегодня на обед?

– Сегодня твой любимый борщ со сметаной, – ласково по-матерински отвечает Света.

– Обожаю борщ, – говорит Денис. – Знаешь, твой борщ самый вкусный! Люблю тебя, мамуля.

Света обнимает сына, и тот, чувствуя тепло материнской

любви, обнимает её ещё сильнее.

За тем видение прекратилось. Я вернулся в серую реальность, где меня ждала возможность обеспечить семье безбедную жизнь.

– Я согласен, – ответил тогда я Андрею.

Шёл 246-й день. 246-й день моего персонального календаря. Не знаю, зачем я его завёл. Возможно, мне не стоило даже думать о преждевременной кончине, как советовал Шприц, но я почему-то стал считать прожитые мной дни с той самой последней встречи с ним. Света ничего об этом не знала. Чёрная записная книжка всегда лежала в моём кармане, надёжно храня мой маленький секрет. Наверное, перечитывая свои записи, я постигал истинный смысл и видел красоту прожитого дня, чего раньше и не замечал. День 39-й: в этот день Дениска впервые произнёс нечто похожее на «Папа». День 83-й: день, когда мы ездили в деревню к родителям. Вкусные пирожки бабушки и вечерние посиделки – всё как в «Папиных лекциях» для Дениски. День 145-ый: после очередного обследования Шприц сообщил об остановке роста опухоли. Вновь появилась надежда на будущее. Каждая цифра в моём календаре ассоциировалась с чем-то светлым и запоминающимся. Не обошлось и без чёрных страниц. Чреду позитивных дней прерывали дни с красной галочкой. Так я помечал моменты, о которых было лучше не вспоминать. Когда-нибудь я сделаю последнюю запись в блокноте, оставив следующую страницу пустой. Интересно, какой бу-

дет эта запись: 249-ой, 260-ой, или, быть может, 360-ой? Я знал только одно: это будет точно не сегодня, ибо задуманное надо было обязательно выполнить.

Я сижу и молчу. Пью свой кофе утром 246-ого дня. В шесть утра мы встречаемся в условном месте – на территории заброшенного завода, обсуждаем последние детали *дела* и работаем. Загруженный долларами броневик инкассации должен будет пройти сегодня в половине пятого по известному нам маршруту. Нас будет четверо. Действия каждого прописаны заранее. Если мы будем придерживаться плана, не прозвучит ни одного выстрела. Каждую ночь перед сном я перебирал в голове различные сценарии ограбления. Всё произойдёт во время последней инкассации местного продуктового магазина в шестнадцать ноль-ноль. Продавец – наш человек. В момент передачи денег он должен будет обезвредить инкассатора, а мы тем временем заняться транспортёром. Водитель транспортёра тоже свой. Именно он даёт наводки взамен на солидное вознаграждение. Схема работала уже несколько лет, и, казалось бы, чего бояться, но последнее дело не выгорело. Команда Андрея потеряла одного человека. К счастью или сожалению, уже через месяц он нашёл меня. Много часов я тренировался работать в команде. Сначала на съёмной квартире, где я осваивал азы общения по рации: позывные, кодовые слова, голосовые команды. Затем за городом практиковался в пользовании огнестрельным оружием. Моя доля в переводе составляет двадцать милли-

офов деревянных. Этого хватит Свете с Дениской, чтобы начать новую жизнь. Пусть деньги станут моим прощальным подарком. Главное – не струсить, а дальше можно и на покой. А сегодня извини, Вадим Петрович. Сегодня ты нужен живой и здоровый.

Я не сразу замечаю, что кофе уже остыл. Оказывается, я уже несколько минут сижу без движения на табуретке, как статуя. Решив освежить голову, я думаю о холодном душе. Я оставляю наполовину выпитую чашку на столе и походкой старика двигаюсь в сторону туалета. В спальном комнате слышу приятное сопенье малыша и омраченный тревожным сном голос Светочки. Я открываю дверь, чтобы войти в ванную. Моё внимание привлекает нечто непонятное, что-то маленькое белое, то, что находится там, где быть не может. Это словно укол иглой исподтишка.

«Она! Получите, распишитесь, Вадим Петрович! Не оживали!»

Бывает, глаза играют с нами злую шутку, но я вижу то, что вижу. Из заднего кармана брюк на спинке стула торчит пачка сигарет. Та самая, которую я выбросил в ведро. Снова галлюцинации? Сделав пару шагов к стулу, я убеждаюсь: пачка реальна. Эта та самая пачка «Тройки», которую я смял в кулаке, превратил в бумажный комок, после чего отправил на помойку. Она вон там, в мусорном ведре. Вернувшись на кухню, я нажимаю на педаль пластикового контейнера – пу-сто! Вчера я вынес мусор и заменил пакет, а сегодня утром

бросил пачку сигарет. В ведре ничего нет.

«Проблемы со слухом, зрением, эпилептические припадки, провалы в памяти?» – прозвучал в голове голос Шприца.

Неужели галлюцинации? Снова?

Я охватываю голову руками и начинаю медленно массировать виски. В одной из передач по ТВ я видел, что таким образом можно снять напряжение и избавиться от стресса.

«Нет, это всё нервы. Это всё из-за последних событий. Нужно просто сходить в душ и немного освежиться. Попробуй номер два, мать вашу!»

Двигаюсь по направлению к ванной. Взгляд снова скользит по торчавшей из кармана пачке. Она будто дразнит меня, сообщает, что чердак мой уже отделился от дома: *«Круто я тебя провела, больной ты придурок! Не забывай пить таблетки!»*

Нет уж, дорогуша, ты была в мусорном ведре, туда ты и отправишься. Словно умалишённый, я хватаю брюки, вытаскиваю пачку и мчусь к мусорному ведру, открываю крышу, швыряю туда пачку с такой силой, что единственная сигарета, оставшаяся в ней, вдруг вылетает и падает на кафельный пол. Та единственная сигарета, которую я выкурил на балконе. В животе похолодело. Я почувствовал, как по рукам и ногам пронеслась волна мурашек. Как от шипящей гадюки, я медленно отступаю от злополучного ведра и оседаю на кухонной табуретке.

Боже мой, что это? Симптомы болезни?

В горле вдруг пересыхает, словно в рот насыпают песок. Пытаясь прокашляться, я наощупь нахожу чашку с недопитым кофе. Надо срочно промочить горло. В глазах замирает слеза, когда в руке я вдруг вижу солонку. Она единственное, что было на столе. Совершенно пустая и сухая чашка висит в шкафу ещё со вчерашнего чайного вечера со Светой. В одном лишь нижнем белье я стою на кухне с солонкой в руках, не в силах понять, что происходит. Сначала пачка, которую я выкинул, затем та сигарета, что я выкурил, потом чашка. Мысли о сегодняшнем *деле* медленно уходят на второй план. Они уже становятся второстепенными, малозначимыми.

Во что бы то ни стало нужно разобраться. Если не можешь найти выход, вернись туда, откуда начал. Идём по порядку: пачка, затем сигарета и балкон. Я швырнул окурочок вниз с балкона! Он упал на тротуар, я видел! А в пачке могло быть и две сигареты. Ведь могло? Спросонья я мог и не заметить. А что это даёт? Каждое утро дворник Семёныч подметает с тротуара десятки подобных окурочков. Нет, я не опущусь до того, чтобы среди выброшенных из дома бычков искать свой.

Дениска слышно зашевелился. Я медленно подхожу к двери и чуть приоткрываю её. Маленький человечек свернулся калачиком, оставив скомканным одеяло в ногах. Помню, я делал так же в детстве. Так удобнее, мне казалось. Наблюдая за тем, как малыш, засунув палец в рот, сладко спит, я на мгновение забываю обо всём. Вот оно счастье – видеть, как твой ребёнок беззаботно витает в своих детских невинных

снах. Иногда я мог позволить себе мечтать, что у нас со Светой могло быть двое, а то и трое детишек. Наверное, когда мы всей семьёй отправлялись бы на прогулку, то непременно останавливали бы на себе удивительные взгляды прохожих. Было бы здорово узнать это наверняка. Было бы здорово увидеть, как взрослеет Дениска, первый звонок, первое свидание, первая сигарета, первый разговор с отцом по этому поводу. Света сделает это за меня, если потребуется. И потом, с полученными деньгами они смогут покинуть этот городишко и поселиться в столице или же, наоборот, – найти тихое живописное место где-нибудь в области, навсегда оставив в прошлом городскую суету.

Я задерживаюсь у двери, но ненадолго. Будто кто-то извне призывает меня действовать. Я снова на кухне. Усаживаюсь на стул и смотрю в одну точку, чтобы успокоиться. Чувство странной лёгкости и чересчур хорошего самочувствия не покидает меня. Это всё проделки разума. Галлюцинации могли возникнуть на фоне психологического стресса, а сильное волнение вполне могло стать причиной отрешённости от реальности.

Может, я сплю? Во сне не чувствуешь боли, но я чувствую. Я ясно вижу дверь балкона, куда я выходил покурить, вижу навесной кухонный шкаф для посуды. Я могу подойти и открыть дверцу.

– Я сделал это – вслух произношу я, открывая дверцу. – Я открыл её.

Зажмурив глаза, я повторяю то же самое около минуты.

Что я чувствую, когда, разлепив один глаз, я нахожу дверь плотно закрытой? Чудовищное чувство отчаяния, безысходности и беспомощности. Оно стало поглощать меня, как пламя сухие дрова.

Мне нужно идти! А разве можно идти на дело, когда мозги дают такие сбои, чёрт возьми? Нет, конечно! А может, стоит во всём признаться? Рассказать, как есть. Света любит меня. Она сможет понять меня и помочь! А что скажет Андрей? Да плевать на Андрея!

– Любимая, прошу, проснись! Света, со мной что-то происходит!

Причину моих необъяснимых утренних явлений я обнаруживаю рядом со Светой на одной кровати. Осознание причины тишины подозрительно пустого города, быстрого действия таблеток из оранжевой баночки, как и чувства хорошего самочувствия, приходит не сразу. Я пока ещё не в состоянии признать, что я физически не мог сегодня не только выкурить сигарету, но и просто подняться с кровати. Человеку свойственно не принимать тот факт, который его сильно шокирует и повергает в ужас. Всегда легче отстраниться, придумать кучу отговорок, чем принять роковые события жизни. Теперь это случилось и со мной. Не чувствуя абсолютно ничего, я смотрю на собственное уже остывающее мёртвое тело рядом со Светочкой. Никогда не думал, что это случится именно так.

Шёл 246-ой день моего календаря.